

ДОМБРА ПЕЛА О БРАТСТВЕ

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

Было это без малого тридцать лет назад, а помнится, словно случилось вчера.

Газета «Известия», которую я в то время представлял в Казахской ССР, командировала меня из Алма-Аты в гости к Джамбулу.

В предутренний час в пригороде столицы Казахстана, час прохлады, такой кратковременной в разгар жаркого среднеазиатского лета, из-за поворота шоссе показались «эмка»: автомобиль мчался к городу, утопающему в зелени садов и парков. В машине я увидел знакомое и дорогое лицо с живым блестящим взглядом под нависшими густыми бровями, с бронзовыми от загара скулами и с седой, как снег с горных вершин Ала-Тау, бородой. Вот он каков, прославленный певец и избранник народа — депутат Верховного Совета СССР. Не сидится ему в 97 лет в своем тихом ауле, среди родных и близких, под опекой специальной выделенного врача!

Потом я узнал, что, несмотря на недуги, неизбежные в столь преклонном возрасте, Джамбул Джабаев время от времени навещает столицу республики по депутатским делам или просто, чтобы поздравить любимый город, встретиться с друзьями.

С автомагистрали, что пролегла до самого горизонта, сворачивает под прямым углом налево асфальтовая лента другой дороги. Мы поехали по ней. Дорога эта заканчивалась, упираясь в крыльцо одноэтажного каменного дома с красивым фасадом, высокими окнами и парадными дверями. В этом доме уютные, со вкусом обставленные гостиная, столовая, библиотека, несколько спален. Последние — для гостей. Сам хозяин дома, полученного в дар от правительства Казахстана, никогда в нем не жил, лишь принимал гостей и дарил им свои книги.

Вечером за неторопливым ужином по гостеприимному

обычаю здешних мест и с обязательным национальным блюдом казахов беш-бармаком мы не спускали глаз с нашего хозяина и его домбры, которая висела на стене. Переводчиком в оживленной беседе был молодой казах, любимец Джамбула, единственный врач, советом которого он внимал, недавний выпускник Алма-Атинского мединститута. И вот Джамбул протянул руку к стене, что-то вполголоса сказав врачу. Тот мигом снял домбру и бережно поднес ее Джамбулу. Склонившись к ее струнам, как бы прислушиваясь, Джамбул стал, медленно покачиваясь, перебирать их. Потом худые, старческие пальцы словно помолодели. Бодро ударили по струнам, рождая мелодию. Гортанным голосом выговаривая слова, Джамбул зашел. Пел и говорил он только на своем родном языке. Наши взоры обрзались к переводчику.

Врач стал переводить слова песни-импровизации. Она адресовалась Москва и Ле-

нинграду, Минску и Гомелю, Киеву и Запорожью. Он пел о том, что вот сейчас готов вскочить в седло своего верного друга, любимого коня. Тот стоит у крыльца, ждет и торопит хозяина. Но, увы, не может Джамбул осуществить свою мечту — помчаться на скакуне в родную Москву, а оттуда на фронт, к нашим доблестным воинам, петь им песни и помогать одолевть врага. Сейчас Джамбул нездоров, и конь его должен подождать. Совсем немного подождать. Минет день, минет другой, и Джамбул будет в седле, и конь помчит его далеко-далеко. От Московского Кремля он покачет в Белоруссию, к партизанам, он будет в осажденном Ленинграде, он напоит своего верного друга студеной водой из голубого Днепра.

Как зачарованные, слушали мы песню боли и отваги, песню священной веры в победу Родины. Не знаю, попала ли

она в собрание сочинений Джамбула.

Утром с рассветом в домике Джамбула уже никто не спал, а сам почти столетний акын беседовал с первыми посетителями. Это были его односельчане — дедушки и бабушки, отцы и матери фронтовиков. Некоторые принесли и показывали ему письма, полученные с фронта. Джамбул просил доктора читать их вслух и погромче, а потом комментировал, вселяя веру в истердававшихся сердца. Но большинство посетителей не приносило писем. Они приходили в тревоге и горе. Им нужны были только его слова утешения, нужны больше, чем глоток воды в иссушающую жару, чем ломтик хлеба в ту суровую пору. И

Джамбул находил такие слова, для каждого разные, но самые сердечные. Потом акын брл в руки прославленную свою домбру, и звучала великая песня о братстве советских народов, которому не страшен самый лютой враг.

После отдыха в домике Джамбула опять сталолюдно. Среди смуглых казахов узнаю свою землячку-белоруску. А вот еще русоволосая женщина с Орловщины. В казахских степях счастливо завершился их горестный и долгий путь. Здесь они были приняты с открытым сердцем, как родные. Они тоже пришли послушать акына. Он пел им о казахзах, гвардейцах-панфиловцах, совершивших легендарный подвиг на подступах к Москве, о защитниках Ленинграда, о белорусских партизанах, а больше всего — о Родине и ленинской партии.

А. ЗВЕНТОВ.

АЛМА-АТА. Казахский молодежно-эстрадный ансамбль «Гульдер» молод — ему всего два года, но своим мастерством он уже завоевал сердца поклонников эстрады. Коллектив побывал с концертами во всех областях республик, выступал в Москве, Ленинграде, Тбилиси и других городах страны. Сейчас молодые артисты подготовили новую программу — «Струны степей».

НА СНИМКЕ: танцевальная группа ансамбля. Фото Г. Попова (ТАСС).

К Л Ю Ч К Ж И З Н И

Музей Казахского академического театра драмы имени М. Ауэзова — хранитель живой и яркой истории казахского театрального искусства.

— Я всегда с волнением захожу в эти комнаты, — говорит один из ветеранов казахской сцены народный артист СССР Серке Кожамкулов. — Пожалтевшие от времени фотографии, вырезки из газет, альбомы, грамоты, памятные сувениры, эскизы декораций и костюмов, собранные здесь, возвращают меня к моей молодости, к молодости Казахстана.

До Великого Октября в казахском языке не было даже таких слов, как «театр» и «драма». Любительские кружки появились лишь в 1918 году. Но прошло еще восемь лет, прежде чем в тогдашней столице Казахстана Кызыл-Орде в январе 1926 года открылся профессиональный театр. На старой фотографии — почти вся первая труппа. Молодые люди, полные энергии и задора, но... никто из них не был профессионалом.

Первой премьерой театра был спектакль «Енлик и Кебек» — о казахских Ромео и

Джультете. Пьесу написал М. Ауэзов. А вскоре С. Сейфуллин в пьесе «Красные соколы» создал образ революционера, участника гражданской войны.

За годы Советской власти казахская драматургия выросла и заняла достойное место. На ее счету более двухсот пьес.

Из ставят 24 профессиональных театра. Гордостью республики по праву считается Академический театр оперы и балета имени Абая. Театр имени М. Ауэзова, русский театр драмы имени М. Ю. Лермонтова, угурский и корейский в Алма-Ате, областные театры радуют зрителей творческими достижениями.

Великий казахский просветитель Абай когда-то писал: «Изучай культуру и искусство русских. Это ключ к жизни. Если ты получишь его, жизнь твоя станет легче».

— Как это верно! — отвечает Серке Кожамкулов. — Наш театр неустанно работал и работает над русской классической и советской драматургией. Со сцены нашего театра на казахском языке говорят герои пьес «Реванш» Н. Гоголя, «Гроза» А. Островского. «На дне» М. Горького, «Человек

с ружьем» Н. Погодина, «Нашествие» Л. Леонова, «Русские люди» К. Симонова.

Постоянная творческая помощь Ю. Завадского, В. Марацкой, Н. Мордвинова, Н. Черкасова, М. Жарова и других прославленных мастеров советской сцены профессионально обогатили казахских артистов. Большой творческой школой были для нас гастроли в республике МХАТ, Малого театра и других признанных коллективов страны, а также гастроли казахских театров в Москве.

За годы Советской власти в Казахстане выросли свои национальные кадры. В 1925 году на Всемирной выставке в Париже Амра Кашаубаев впервые удивил западного зрителя песенным искусством казахского народа. Теперь многих наших артистов хорошо знают в Польше, ГДР, Венгрии, Канаде, Финляндии, Египте, Индии и ряде других стран.

Впереди у казахского театрального искусства — широкая дорога.

П. ШТАБНОВ.
[Корр. ТАСС].

Алма-Ата.